

Секция 6

ЛЕНИНГРАДСКАЯ БЛОКАДА В ВОСПРИЯТИИ ГОРОЖАН

С.В. Яров

ОЩУЩЕНИЕ ГОЛОДА В ОПИСАНИЯХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ, 1941–1942

О голоде в Ленинграде во время блокады написано немало. Он стал главной приметой жизни осажденного города. Именно тогда и проявилась в полной мере самоотверженность ленинградцев, которые, даже испытывая нечеловеческие муки, находили в себе силы поделиться куском хлеба. Об этом говорится едва ли не в каждом блокадном документе. Для того, чтобы почувствовать, какой ценой им это далось, необходимо откровенно рассказать, как влиял голод на психику и поведение горожан, как менял их привычки и нравственные устои.

«Говорят, опыт помогает... Да, но не этот “опыт”. Опытных голодающих я не встречал»¹ — эта горькая истина не раз находила подтверждение в блокадные дни и ночи. Голод почувствовали не сразу. «В сентябре... продуктов стало не то чтобы не хватать, но чувствовалось, что их становится всё меньше», — отмечала В.А. Чернышева². Блокадники позднее вспоминали о постепенном «накоплении голода», сначала малозаметном, но со временем все более осязаемом. Насытиться в той мере, как это было в прошлом, теперь удавалось не всем: паек постоянно снижался, за «бескарточными» выдачами выстраивались километровые очереди. Разборчивость, привередливость во время еды стали быстро исчезать: начали есть и те продукты, которые ранее избегали пробовать.

В середине октября 1941 г. все чаще стали отмечать «едовую горячку», вызванную «вечным сосанием под ложечкой». Люди не могли наесться в столовых, требовали добавку — об этом очевидцы говорили иногда с брезгливостью, но остро ощущавшие нехватку еды горожане перестали прислушиваться к осуждающим упрекам. Иногда спасали и накопленные за лето овощи, но вскоре и они кончились. Ощущая «томительную пустоту в желудке», многие ели, не переставая, не придерживаясь никаких «графиков». В ноябре—декабре

¹ Пантелеев А.И. Приоткрытая дверь... Рассказы. Очерки. Разговор с читателем. Из старых записных книжек. Л., 1980. С. 355.

² Чернышева В.А. Воспоминания // Живая память. СПб., 2010. С. 211.

1941 г. чувство голода появлялось буквально через час после приема пищи, причем иногда и обильной. Оно выворачивало наизнанку, не давало ни на минуту успокоиться — это заметно и по тональности дневниковых записей блокадников: «А кушать так хочется!», «кушать хочется страшно», «ужасно есть хочется!», «есть хочется невероятно», «очень голоден... очень хочется есть», «какой кошмар — голод»¹.

Симптомы голода и его последствия отчетливее и подробнее всего выявлены в дневниках Л.В. Шапориной и А.Н. Болдырева. По записям Л.В. Шапориной, работавшей в госпитале, видно, что даже человек стойкий и склонный часто порицать несправедливость, под влиянием голода меняет свои оценки, делая их менее жесткими. 14 октября 1941 г. Л.В. Шапорина получила от знакомой буфетчицы 0,5 кг масла за крайне низкую по тем временам сумму — 50 руб. Она понимает, что масло приобретено не очень честным путем, отсюда и потребность оправдаться, используя хлесткие аргументы: «Это может быть неприлично, но голод, искусственно созданный нашими правителями, еще неприличнее»². Голод нарастает, она пытается «переместить внимание» на что-то другое, кроме еды, но это не помогает: «...Ловлю себя на мечтах о завтраке с белыми булочками, ветчиной, шоколадом»³. 18 января 1942 г. она записывает в дневнике: «На столе лежит ложка, которой раздавали больным кашу. Я пальцем как бы нечаянно задеваю ложку, на пальце немного каши, потихоньку облизываю»⁴.

Весной 1942 г. нормы выдачи хлеба значительно повысились, но она не чувствует этого, готова теперь работать донором, есть все, что угодно. Она чаще пишет в дневнике о гнетущем, побеждающем всё чувстве голода, от которого никак не избавиться — ни обильными кашами, ни сытным супом. И эти записи становятся более яркими и необычайно страстными, без извинений за свою слабость и без оговорок. В записях осени 1942 г. моральные рефлексии отходят на второй план. Получая от знакомой каши, она прежде всего отмечает, что это «такие порции, каких в столовых мне не дают». Она, правда, и сама ощущает произошедшие с ней перемены: «Это меня развращает, я помимо своей воли начинаю ждать подачек». Оправдания менее пространны, чем раньше, но они теперь, после пережитых мук, наверное, и не нужны: «Возмутительно, но с голодом ничего не поделаешь»⁵. В ноябре 1942 г., неся подруге купленный по ее «карточке» хлеб, она никак не может отогнать мысль о том, что делать, если застанет ее мертвой. Она и здесь готова отступить: «Прежде всего съем хлеб». Голос чести она пытается

¹ Жилинский И.И. Дневник // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 15; Федор Михайлович Никитин. СПб., 2010. С. 62; Самарин П. М. Дневник // Рукописно-документальный фонд Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда (РДФ ГММОБЛ). Оп. 1-р. Д. 338. Л. 76, 90; Стенограмма сообщения Ефимова А.Е. 21 ноября 1945 г. // Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН). Ф. 322. Оп. 1. Д. 46. Л. 16; «Сохрани мою печальную историю...» Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. С. 128.

² Шапорина Л.В. Дневник. Т. 1. М., 2011. С. 274.

³ Там же. С. 298.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Там же. С. 366.

заглушить категоричностью и жесткостью: «Да, жадно съем ее хлеб и потом... буду думать об умершей»¹.

А.Н. Болдырев, сотрудник Института востоковедения, начал «подъедать» за чужими людьми тоже в конце марта 1942 г., когда набор «карточных продуктов» блокадников стал обильнее. «Доел третью, оставленную почти нетронутой соседом, кашу... Я здесь... пережил одно из странных голодных волнений — волнение при виде недоеденных соседями блюд и хлебов. Совершенно неслыханное, любопытное чувство», — так он описал свой обед на одном из военно-морских кораблей, где «столующиеся» питались намного сытнее, чем простые блокадники².

Голодал ли он в это время? Нет, считает он, о голоде теперь говорить нельзя, но есть «доминанта в чувствах». Это «прорва несытости», она свирепствует, от нее никак не защититься, каши и супы тоже не спасают. «Хлеба не хватает зверски», — записывает он в дневнике 7 августа 1942 г. Получив в сентябре 1942 г. воблу, он сразу отмечает, что есть ее — наслаждение, и именно потому, что она «крепкая и ее можно кусать», а каши и супы — жидкая и полужидкая пища, на них и зиждется «полусытость». Наконец, в январе 1943 г. он обнаруживает у себя первые признаки «усмирения ненаеда» — уменьшение записей о продуктах в дневнике. Обычно голодный человек надеется, что такое «усмирение» наступит после «великолепных праздников пищи», после пиршеств — но нет, замечает он, это произошло как-то незаметно³.

Записи ощущений, вызванных голодом, не очень часто можно обнаружить в блокадных документах. Они в чем-то схожи, хотя всегда следует делать поправки на индивидуальный опыт рассказчика и учитывать специфику его самоанализа: происходившие с ним перемены он не мог описать понятно и точно. Первое, что отмечали — всё чаще возникающие мысли о еде. Они начинают переполнять человека, становясь в чем-то патологическими, избыточными. Дать зарок не обращать на них внимания оказывалось трудным. «Я спокойна только тогда, когда всё съедобное уничтожено, иначе оставшийся кусочек хлеба может мучить как наваждение, пока с ним не расправишься, будь этот кусочек с орех величиной», — И.Д. Зеленская занесла эту запись в дневник 20 сентября 1942 г., когда питание в Ленинграде заметно улучшилось⁴.

«Сосет под ложечкой жутко», — так описывал свое состояние В. Петерсон и именно этот симптом отмечался блокадниками чаще всего. Страшной для них являлась и «томительная пустота в желудке»⁵. Успокоиться было невозможно: «непристанный едкий глад сверлит нутро», «чувствуешь, что голод пожирает тебя изнутри»⁶. Казалось, это никогда не кончится, от этого чувства не уйти и не спрятаться. Терпеть не имелось сил, отчаяние прорывается не у одного че-

¹ Там же. С. 375.

² Болдырев А.Н. Осадная запись. СПб., 1998. С. 73.

³ Там же. С. 90, 136, 166, 250.

⁴ Зеленская И.Д. Дневник // Я не сдамся до последнего... Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 119.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Болдырев А.Н. Осадная запись. С. 53; Говорова К.Е. Воспоминания // Живая память. СПб., 2010. С. 100.

ловека. Б. Злотникова готова была «съесть простыню», чтобы прекратились ее муки, Е. Мухина записывает в дневнике 21 ноября 1941 г.: «Ужасно хочется есть. В желудке ощущается отвратительная пустота. Как хочется хлеба, как хочется. Я, кажется, все бы сейчас отдала, чтобы наполнить свой желудок»¹.

Блокадники говорили о том, что не могли заснуть из-за постоянно возникающих мыслей о еде. «Перед глазами беспрерывно мелькают котлеты, и я чувствую их раздражающий запах», — вспоминал А. Коровин². Да и сами сны нередко являлись «голодными», как их называли ленинградцы. Содержание их, как правило, было одинаковым: перед глазами изобилие продуктов, но их или нельзя съесть, или до них не достать, либо они исчезают при малейшем прикосновении. Приведем некоторые из записей этих снов и рассказов о них: «Рядом около тебя лежит хлеб, масло, но ты не можешь до них дотянуться. Или вообще не можешь сдвинуться, как будто скована. Или еще страшнее — у тебя эту пищу забирают», — вспоминала С. Готхард. Более картинное описание «голодных снов» мы находим в записках И.С. Глазунова — он передает рассказы тети: «Ей часто снится еда, роскошные столы, ломящиеся от яств, источающих аромат только что зажаренной дичи, пирогов, горячего кофе. Она берет тарелки в руки... и... просыпается». Варианты снов бывали различными, схожей являлась их концовка: «Мне приснился сон, от которого я проснулась со стоном. Мне снилось: я иду по Свечному переулку, а в руках у меня большое яблоко, я несу его Андрюше (сын. — С. Я.), несу и откусываю понемногу, и вдруг вижу — я съела всё яблоко»³.

Примечательно не только содержание этих снов, но сам факт их записи или воспоминаний о них. Возможно, это всё тот же акт «замещения» еды бесконечными рассказами о ней — рассказами, которые слышали или в которых участвовали, наверное, подавляющее большинство ленинградцев. В них преобладали две темы: как сытно ели в прошлом и что будут есть после блокады. Прошлое представлялось каким-то райским уголком, отличавшимся сплошным изобилием, где всё можно было легко купить, где пища являлась необычайно вкусной — ощущения не очень идиллической довоенной поры словно начисто смыты. Особенно укоряли себя за то, что являлись тогда не в меру разборчивыми: корки хлеба казались горькими и грязными, от каш отворачивались. Оголодавший 7-летний мальчик признавался бабушке: «Помнишь, как я не любил манную кашу даже с вареньем, а теперь бы я всякую съел»⁴.

Очень сожалели, что не запаслись продуктами в первые месяцы войны, когда в магазинах еще можно было их найти, что не скупали лекарства и витамины

¹ Лепкович А. Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 59. Л. 8; Злотникова Б. Дневник // Там же. Д. 40. Л. 3 об.; «Сохрани мою печальную историю...» Блокадный дневник Лены Мухиной. С. 128.

² Коровин А. Записки военного хирурга // Ленинградский альманах. № 2. Л., 1948. С. 426; Говорова К.Е. Воспоминания // Живая память. С. 100.

³ Готхард С. Ленинград. Блокада // Две судьбы в Великой Отечественной войне. СПб., 2006. С. 36; Воеводская А.И. Четыре года жизни, четыре года молодости. СПб., 2005. С. 102; Глазунов И.С. Россия распятая. Т. 1. Кн. 2. М., 2008. С. 97.

⁴ Куликова Т. Сын // Память. Письма о войне и блокаде. Л., 1985. С. 339.

в аптеках, а иногда и обвиняли себя, если с кем-то раньше слишком щедро делились. Что-то болезненно преувеличенное есть и в мечтах блокадников о том, как они станут питаться в будущем. Представления о том, как удастся позднее истребить испепеляющее чувство голода, не сильно различались. Главное, что их объединяло — это необычайно огромное количество разнообразной еды, обязательно вкусной, «рассыпчатой», «с корочкой», лоснящейся от масла. Но эти фантастические и поражающие масштабами гастрономические галлюцинации быстро стали блекнуть. Они ничем не закреплялись, не подпитывались, стирались из сознания, поскольку многие «цивилизованных» продуктов не только давно не видели, но зачастую и утрачивали представление об их вкусовых оттенках. Планы будущей «сытости» упростились. Попробовав в голодное время какое-нибудь блюдо, показавшееся очень хорошим, надеялись, что когда-нибудь могут попробовать десятки именно таких и только таких блюд — если это капуста, то обязательно целое ведро или даже бочка, если постное масло, то, конечно же, целый бидон. И уж, разумеется, станут кушать без прошлой брезгливости и капризов. «Если я доживу и будем опять так жить, буду есть всё, не выбирая», — читаем в дневнике Е. Козловой¹. Это отзвук блокадного бытия, когда были согласны на всё, ничем не гнушались, всё пробовали — лишь бы прекратилась эта нескончаемая мука: «О! Только бы поесть досыта, простой пшенной каши без масла, слегка посыпанной песком. Эта каша меня преследует днем и ночью, язык горит, во рту сухо. Но еще лучше хлеба, пусть со жмыхом, полусырого, но посыпанного солью и с водою — это так... вкусно»².

Акт «замещения» недостающей еды возникал нередко внезапно, спонтанно, кажется, даже против воли тех, кто хотел служить образцом стойкости. Это и поиски крупы съестного в щелях на полу, в карманах одежды, которую давно не носили, крупы, возможно, когда-то давно оброненных, рассыпавшихся в недоступных углах буфетов. «Чистили» комнаты не раз — и оставалась надежда, что если даже сегодня ничего не найдут, то более зоркий осмотр тех же мест завтра увенчается успехом.

Это и «хождение» на рынок — иногда без товаров на обмен, без денег, только для того, чтобы посмотреть на кусочек хлеба, на бутылку молока, плитку шоколада. Казалось, что-то незримое заставляло прорываться это неутолимое чувство голода. Учащийся 4-го класса сочинил такое патристическое стихотворение, обличавшее гитлеровцев:

В города они входили,
Магазины все громили,
Пили водку, брали шпиг
И консервы открывали
И съедали в один миг³.

Магазины, шпиг, консервы, которые поглощали в «один миг» — как много здесь от блокадной повседневности. От нее не оторваться, даже имея перед глаза-

¹ Дневник Жени Козловой // Живая память. С. 50.

² Комисарова Е.И. Записи // Там же. С. 144.

³ Инбер В. Собр. соч. Т. 3. М., 1965. С. 310.

ми типичные стихотворные образы. Заведующий райпромкомбинатом А.П. Никулин стал свидетелем бомбежки закусочной на Невском проспекте. «Проклятые фашистские варвары», — начинает он записывать в дневнике, и здесь вдруг что-то обрывается, и ему никак не остановиться, пока он не скажет о том, что терзает его в это время: «Там быстро подавали, всегда было чисто, уютно и светло, готовили замечательно. По требованию можно было получить сосиски, сардельки, печенку, мозги, почки, яичницу, пирог с капустой, с саго, с рисом и яйцами, иногда с грибами, салаты, огурцы, бульоны...»¹

О последствиях голода написано самими блокадниками немало. «Голод вначале обостряет восприятие жизни. Голова ясная, но очень слабая», — вспоминал И.С. Глазунов². «Память как будто очищена, промыта чем-то. Видится всё — до последней травки, до мельчайшего листика на рисунке обоев», — читаем мы в записях А.И. Пантелеева, относящихся к 1942 г.³ «Удивительная легкость перехода из одного состояния в другое. Оживают и материализуются образы прочитанных книг, увиденных людей, событий»⁴. Но чем дальше, тем быстрее утрачивается красочность, разнообразие и пластичность ощущений. «Очищенность» оборачивается опустошенностью, «промытость» — безразличием. «Что-то вышло из меня, из всех нас», — так описывает это «очищение» переживший блокаду философ М.С. Друскин⁵. Он даже находит в этом пользу: человек свободен от суетных страстей, от погружения в «конкретность» — но чаще всего это заканчивается смертью.

Почти все блокадники отмечают бессилие и слабость — А.Ф. Евдокимов, например, сообщает, что не мог стоять больше трех минут⁶. Когда приподнимали голову, в глазах темнело. Обычным признаком голода являлось головокружение — оно либо оканчивалось голодным обмороком, либо перемешивалось с галлюцинациями. «...Почувствовал, что зал будто куда-то удаляется, на потолке... не три лампочки, а десятки, голоса окружающих слились в какой-то далекий гул», — вспоминал Д.Н. Лазарев⁷. О том, как во время головокружения «совершенно позорно споткнулась», рассказывала в своих записках Э.Г. Левина⁸. У М.В. Машковой «отчаянная слабость» выразилась в том, что она не смогла пройти несколько шагов до плиты, где «убежал драгоценный горох»: «...Жалкое зрелище: ноги не повиновались, не гнулись, тело бессильно падало»⁹.

Крайней формой физиологического и духовного угасания человека была алиментарная дистрофия. Ее признаки от первичных проявлений до неостановимой дегградации детально прослежены работавшим тогда в одном из ленинградских

¹ Никулин А.П. Дневник // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 11. Д. 82. Л. 28–29.

² Глазунов И.С. Россия распятая. Т. 1. Кн. 2. С. 98.

³ Пантелеев А.И. Приоткрытая дверь... С. 364.

⁴ Глазунов И.С. Россия распятая. Т. 1. Кн. 2. С. 98.

⁵ Друскин Я.С. Дневники. СПб., 1999. С. 135.

⁶ Евдокимов А.Ф. Дневник // РДФ ГММОБЛ. Оп. 1-р. Д. 30. Л. 82.

⁷ Лазарев Д.Н. Ленинград в блокаде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2005. С. 198.

⁸ Левина Э.Г. Письма к другу // Ленинградцы в дни блокады. Л., 1947. С. 208.

⁹ Машкова М.В. Из блокадных записей // Публичная библиотека в годы войны. СПб., 2005. С. 25.